

Михель Гофман

РЕЛИГИЯ ТРУДА

Труд в США—это душа народа. Американец служит своему делу с такой страстью, с которой крестоносцы жертвовали своей жизнью для освобождения Святой Земли».

Англичанин *Фрэнсис Грунд*, 1843 год.

Для американца работа и есть, собственно, жизнь, и это отношение к труду воспитала религия—протестантизм. Протестантизм, возникший в XVI веке, сформулировал новые цели человеческой жизни, и его сила влияния на сознание масс была огромна, так как в то время религия обладала незыблемым авторитетом.

Протестантизм объявил труд служением Богу. А богатство, возникающее как его результат, знаком благосклонности Небес. Нежелание быть богатым подобно желанию быть больным. Бог дал человеку жизнь и здоровье для того, чтобы он реализовал их в труде. Труд—высшее призвание (calling), предназначение человеческой жизни.

В своих постулатах протестантизм противопоставил себя католицизму, который объявлял своими ценностями идеи греческой цивилизации—смысл человеческого существования в стремлении к счастью. А счастье, по определению Сократа, не результат труда и не обладание материальным богатством, а постижение Истины, Бога и сотворение Прекрасного.

Но постижением Истины и сотворением Прекрасного мог заниматься только «праздный класс», аристократия, не расходующая свою энергию на труд, на выживание. Только аристократия могла вести полноценную жизнь, она была свободна от труда и могла посвящать свою жизнь искусствам, философии и науке. Работник, крестьянин, ремесленник воспринимались как люди низшего сорта, «низший класс», существа низменной природы, не доросшие до состояния полноценного, то есть свободного от труда человека.

Библия говорила о труде как наказании за грехопадение, и это отношение к труду отразилось в языках народов Европы—во французском это «travail», которое имеет корень в латинском «tribulium»—орудие пытки, в немецком слово «Arbeit» также ассоциируется с наказанием, в русском корень слова «работа»—раб.

Российский воровской орден — воры в законе, довел это отношение к труду до своего логического конца. Вор, начавший работать, переставал быть полноценной личностью в глазах воровского братства.

Мировая литература до начала широкой индустриализации, до начала XX века, не говорила о труде, она описывала то огромное физическое и эмоциональное богатство, которое является истинным содержанием человеческой жизни, и только одна форма труда воспринималась как достойная человека — труд творческий.

Протестантизм полностью перевернул значение труда в человеческой жизни — не трудиться, чтобы жить, а жить для того, чтобы трудиться. «Любая работа — это молитва. Работать значит выполнить свой долг перед богом», — провозглашал проповедник Брюс Бартон.

Протестантизм возник в Европе, но получил распространение лишь в Британии и Германии, начавших индустриализацию экономики. Протестантизм предлагал новую форму жизни тем, кто в результате индустриальной революции (сгон крестьян с их земель для создания овечьих пастбищ и образования текстильной мануфактуры в Англии) лишился источника существования, связей с общиной, и оказался предоставленным сам себе.

Протестантизм давал ответ на вопрос как жить тем миллионам людей, кто оказался оторванным от своих корней, от общины и остался один на один с окружающим враждебным миром. Перестав быть частью общины, каждый отвечал только за себя и находил свой путь к богу не через церковь, а самостоятельно, читая Священное Писание. Индивидуальная связь с Богом была психологической подготовкой к индивидуальному характеру всех сфер человеческой деятельности, подготовкой к первому этапу новых форм общественных отношений, к капитализму.

Протестантизм дал религиозное обоснование новой формы жизни в условиях возникающего машинного производства — жизни вне общины, и новой формы труда, единственно возможной в новых условиях — индивидуального предпринимательства.

Католицизм предоставлял верующему возможность раствориться внутри общины, в католицизме не существовало развитой идеи индивидуальной ответственности. Церковь была пастухом, пасущим стадо, и брала ответственность за индивидуальные грехи на себя. Прощение грехов создавало атмосферу беззаботности жизни и доказывало всепрощающую любовь бога ко всем без исключения — «все божьи дети».

Католическая церковь рассматривала жизнь во всей ее полноте и красоте, как подарок небес, как вечный праздник, в котором труд существует для увеличения объема богатств жизни. Богатства не цель, а средство, ведущее к обогащению чувственного, интеллектуального и эмоционального мира, к достижению духовных жизненных целей.

Протестантизм же отрицал не только католическую идею жизни как праздника, но и всякую социальную иерархию, классовые привилегии, само государство и личные различия — «перед Богом все равны».

Протестантизм противопоставил себя не только католицизму, идеи Воз-

рождения также были неприемлемы для новой философии жизни. Возрождение провозгласило, что человек от природы добр, поэтому нужно предоставить каждому право на свободное самовыражение. Личность в период Возрождения приобрела небывалую свободу, а полная свобода не могла не привести к освобождению всех стихий человеческих страстей. Без жесточайших ограничений и полицейских мер человек превращался в убийцу, грабителя и насильника.

Протестанты предложили альтернативу идеям Возрождения и идеям Средневековья о контроле греха. Труд, как форма служения Богу, делает возможным обуздание стихий в человеке, так как труд требует самодисциплины и добровольного подчинения системе экономических отношений.

Первый лидер новой религии, провозгласивший идею порочности католицизма с его идеей жизни как праздника, а саму религию протестантизмом, немец Мартин Лютер утверждал, что любые добродетели не гарантируют прощения и лишь труд во имя Бога может, не гарантирует, но может, принести спасение души.

Другой протестантский лидер, француз Кальвин, разделял людей на тех, кто от рождения несет в себе добро и тех, кто несет зло. Одним изначально предусмотрено спасение, другие изначально прокляты. И только в труде человек может забыть, заглушить чувство беспомощности и бессилия перед Богом и своей греховной природой.

«В своем развитии кальвинизм выдвинул доктрину спасения, которая базируется на труде и создании богатств, которые не гарантируют спасения, но сам материальный успех есть знак божеского расположения. Никто не знает будет ли спасена его душа или нет. Спасение души не зависит от количества добрых или злых дел, которые человек совершил в течении жизни. Человек не знает к чему он приговорен, к спасению или вечному проклятию. Результат станет известен только на Страшном суде. Контроль над материальным миром человек приобретал в процессе создания богатств и это давало ему ощущение власти над своей судьбой, по крайней мере, на брэнной земле», — отмечал немецкий социолог конца XIX–начала XX века Макс Вебер.

Во времена средневековья единственным местом, где верующий мог спасти свою душу, оградить себя от тлетворного влияния общества, погрязшего в пороках, был монастырь, где каждый из членов монастырской общины, давая обет воздержания, вознаграждался правом на многочасовой труд, скудную диету и возможность совершенствоваться в своем духовном развитии.

Протестантизм превратил монастырь в идеал общественного устройства, где главная добродетель человека — его способность трудиться самоотверженно и беззаветно, где во имя труда, как формы служения Богу, человек должен отказаться от многих греховных желаний. Постоянное самосовершенствование есть обязательное качество духовного роста, а аскетизм наиболее достойная форма жизни.

Город Женеву, разгульный торговый город, Кальвин превратил в огромный монастырь, живущий высшей религиозной целью — созданием богатств. Эко-

номическая деятельность была выделена в особую сферу жизни, в которой моральный закон, забота о ближнем, переставал быть абсолютom. Добродетельность каждого члена общины оценивалась через труд, тем, что он создал.

«Лютер и Кальвин психологически приготовили человека к той роли, которую он играет в сегодняшнем обществе», — так сказал об этом Эрих Фромм.

Кальвин создал город-монастырь, а Оливер Кромвель, лидер протестантской по духу и буржуазной по сути революции нового класса в Британии, целью которой было свержение власти аристократии, королевской власти, попытка создать большее, нежели город-монастырь — монастырь-государство. Школой, создававшей принципы нового общества, стала армия Кромвеля.

Солдаты Кромвеля воевали за новую мораль, мораль всеобщего равенства и всеобщего труда, солдаты короля — за деньги и военную добычу. Армию короля, воевавшего с Кромвелем, называли «Белой Армией», так как она была одета в белые мундиры, армию Кромвеля «Красной Армией», ее солдаты носили красные мундиры. Солдаты армии Кромвеля были глубоко религиозны и их командирами были священники, проповедники — прообраз политических комиссаров Красной Армии Советской России.

В армиях тогдашней Европы дисциплина воинства была довольно относительной. Пьянство и драки считались естественной частью армейской жизни, воплощением мужского начала. Грабеж, мародерство, насилие над женщинами во время войны не только не порицались, но были частью награды за службу. Армия же Кромвеля несла службу не за награды, солдаты Кромвеля служили Богу. Солдат-протестант нес в своем ранце «не жезл маршала», а Библию. За свои поступки он отвечал не столько перед командиром, сколько индивидуально перед Богом. Дисциплина создавалась не наказаниями, а была результатом религиозных убеждений.

Армия Кромвеля стала школой, в которой воспитывались такие качества, как сознательность, то есть самоконтроль и самодисциплина, которые были необходимы для нарастающей индустрии машинного производства.

Работник мануфактуры должен был не только подчиниться дисциплине труда, как солдат армейской дисциплине, он должен был научиться самодисциплине, работать не из-за страха перед наказанием, а осознавать правила как необходимость, как признак улучшения своей собственной природы, склонной к анархии и своеволию.

Труд из-под кнута мог быть эффективным на плантациях и галерах, но оказывался неэффективным при управлении машинами. Возникавшие фабрики и мануфактуры нуждались не в крестьянине, с его спонтанной, стихийной формой жизни, связанной с природой; у машины мог работать только тот, кто добровольно подчинил себя Новому Порядку, порядку, которого требовала новая форма экономики — индустриальная.

Кромвель первым ввел в обращение термин «сознательность», который означал ответственность перед Богом. Впоследствии это понятие стало широко применяться в Советской России, но подразумевало ответственность не перед Богом, а перед государством, обществом.

Термин «сознательность» в советском словоупотреблении предполагал, что задачи и идеалы партии, часто противоречащие идеалам и задачам индивидуума, каждый воспринимает как свои собственные, как самопожертвование, как отказ от индивидуальных целей во имя целей высших, общественных. Сознательность естественно приводила к аскетизму в материальной жизни и оскоплению жизни внутренней. Сознательный советский человек должен был подавить в себе те импульсы, желания, идеи и идеалы, которые противоречили требованиям общества и государства.

Несмотря на внешнее различие форм протестантской сознательности, построенной на индивидуализме, и советской, основанной на коллективизме, целью воспитания сознательности была дисциплина, подчинение, принятое на индивидуальном уровне, сознательно.

«Сознательность» протестантизма — самоограничение во имя создания материального богатства. Количество созданных богатств доказывало степень веры и, следовательно, возможность прощения, давало надежду на рай в загробном мире. В советском контексте сознательность, то есть самоотверженный труд, давал право на вхождение в новый мир, мир коммунизма, который был вариацией на всю ту же тему, правда, не рая на небесах, а рая на земле.

Хотя революция Кромвеля потерпела поражение, протестантизм стал государственной религией в Британии, но англиканство, как эта религия была названа, включало в себя многочисленные элементы католицизма. Начали появляться протестантские секты, не принявшие англиканство, которое, в их глазах, было предательством основных идей протестантизма. Наиболее распространенными стали секты квакеров и пуритан, они бросили вызов церкви и власти, называя власть и личное богатство ценностями Антихриста, а не Христа.

Квакеры требовали от членов секты полного посвящения своей жизни труду, простоты жизни и самосовершенствования. На кладбищах квакеров XVII–XVIII веков на надгробьях не обозначены ни годы жизни и смерти, ни имена. «Здесь похоронен плотник и отец 10 детей». Человек пришел из праха и ушел в прах. Человек пришел в этот мир только для того, чтобы выполнить свой долг, он сам, содержание его жизни не имеют никакой цены. Сам он ничто — пыль перед лицом Бога.

Плотские желания, наслаждение жизнью — грех, аскетизм жизни был для квакеров знаком добродетели. Даже самые богатые из них жили в скромных домах с убогой мебелью, их одежда была не только незатейливой, она носилась от совершеннолетия до гробовой доски. Картины считались знаком идолопоклонничества. Тех, кто пытался научиться играть на каком-либо музыкальном инструменте, изгоняли из общины. Почти не совершая трат на жизнь, квакеры накапливали огромные богатства, которые не выходили за пределы общины благодаря запрету на браки вне своего круга. Не тратя ничего на себя, квакеры вкладывали накопленные средства в расширение бизнеса, так как только богатство давало уважение общества.

К началу XIX века британские квакеры составляли группу в 20 000 чело-

век. Несмотря на свою немногочисленность, они были богаты и обладали значительным влиянием. Три крупнейших кампании Англии, выпускающие все виды хлебных изделий, принадлежали квакерским семьям. Из четырех главных банков Англии XIX века два принадлежали квакерам — «Барклай» и «Ллойд». Компания «Ллойд» по сей день является крупнейшей страховой кампанией мира.

Вместе с сектой квакеров росла секта пуритан, с которой власти Британии вели постоянную борьбу. Пуритане требовали от своих приверженцев упорного труда в течении шести дней недели, утро воскресенья должно быть проведено в церкви, а остальная часть дня в чтении Библии дома. Как и монахи в монастыре, они посвящали все свое время труду и молитве.

Тогда были отменены многие народные праздники, которые в те времена отличались особой разнузданностью и длились неделями. Был отменен даже праздник Рождества Христова. «Можно ли представить, что вера в Спасителя подтверждается многочасовым обжорством, пьянством и дебоширством. Это скорее подходит для празднования в честь языческого Бахуса, а не Христа», — говорил лидер пуританской общины в Бостоне Коттон Махер.

В средневековье Пасха и Рождество праздновались по две недели. Каждый святой имел свой праздничный день. Французские короли гарантировали своим подданным 38 праздничных дней в году. Пуритане же видели в праздниках проявление греховного начала, и не только праздники, но даже размышления в будний день считали грехом. Для этого есть воскресенье и размышлять в воскресенье можно только о слове Божьем в процессе чтения Библии.

В Британии были изданы многочисленные королевские эдикты, направленные против норм жизни, которые навязывались обществу пуританами. Одним из них был закон, изданный королем Яковом I, который сделал обязательным участие всех групп населения в различных спортивных состязаниях в воскресенье.

Несмотря на все усилия властей, влияние пуритан возрастало с каждым годом. Рост секты стал восприниматься властями и официальной англиканской церковью как угроза существующему порядку. После устрашающих преследований секты в XVII веке появились иные пуритане, трезвые практики. В процессе борьбы за человеческие души лидеры секты пришли к выводу, что для изменения мира мало идей, нужна власть.

Секта бежала на новый континент, где она могла создать Новый Мир, Новый Свет на основе нового принципа жизни — «жизнь есть труд». Первая община пуритан обосновалась в городе Плимут, в северо-восточной части континента. Она заложила идеологический фундамент нового общества и нового государства, каковым стал самоотверженный труд, сделавший Америку самой богатой страной мира.

В то же время Южная Америка, которую осваивали католические страны Европы, так и не стала «Новым Светом», в течении столетий пребывая в нищете и разрухе. Труд в глазах испанских колонизаторов не представлял никакой ценности. Колонисты в странах Южной Америки ставили своей

задачей захват, грабеж уже существующих богатств индейских цивилизаций-городов с высоким уровнем экономического и культурного развития.

На территории Южной Америки в начале XVII века проживало до 50 миллионов индейцев. На территории будущих Северо-Американских Штатов количество аборигенов составляло около 6 миллионов, а кочевые индейские племена находились на уровне развития каменного века.

Колонистов в Северо-Американских Штатах встретил дикий, почти безлюдный мир, здесь не было тех богатств, которые вывозили из Южной Америки испанские конкистадоры. В Северной Америке богатства могли быть созданы, созданы только трудом, освоением новых земель, на которых не было и следа какой-либо цивилизации, и труд, при этих условиях, приобрел небывалый в истории статус.

Обедневшие европейские аристократы (а их количество было значительное), прибывшие в составе первых экспедиций в надежде на мгновенное обогащение, вскоре столкнулись с непреодолимым фактом жизни в Новом Свете — трудиться должны все без исключений. Был провозглашен библейский принцип «Кто не работает, тот не ест».

Расчет аристократов на рабский труд не оправдался, индейцы готовы были принять смерть, но не быть рабами. До появления черных рабов из Африки аристократам приходилось работать на земле вместе с простыми колонистами, их европейский статус, право на получение привилегий, здесь был утрачен.

Каждый колонист, независимо от того, кем он был в своей стране, здесь был вынужден работать, чтобы не умереть. Вместе с семьей, семейным кланом или группой единомышленников колонист поселялся в дремучих джунглях и становился владельцем огромных земельных участков, превращая дикую природу в пригодные для земледелия территории.

Попытки британской администрации ввести захват земель в какое-либо законодательное русло были обречены — необъятные пространства страны не давали возможностей контроля. Только после Войны за независимость были введены правила по продаже земельных участков. Семья могла приобрести одну квадратную милю земли (320 гектаров) за символическую плату или, точнее, плату за регистрацию владения. После Гражданской войны, в 1865 году, был принят Homestead Act, по которому любой мог приобрести участок в 80 гектаров, заплатив 10 центов за регистрацию.

В Бразилии же, в это же время, стоимость земли была настолько высока, что ее могли приобретать только самые богатые. Таким образом, четкая граница между имущими и неимущими, будучи проведена в самом начале, в каждом поколении все больше увеличивала разрыв между классами, и статус классовых привилегий был закреплен на века.

В Южной Америке не только была воспроизведена европейская феодальная экономическая система, Южная Америка жила ценностями католицизма, поддерживавшего феодальную форму отношений, в которой каждый был лишь «божьей овцой» в стаде, которое пасли власти, лендлорд и Церковь.

А протестантизм Северной Америки давал полную свободу индивиду; в практической жизни — «каждый за себя», в духовной — «каждый сам себе священник».

Резкий контраст между нищей католической Южной и богатой протестантской Северной Америкой — контраст двух отношений к труду. На европейском континенте этот контраст не менее нагляден — сегодняшние протестантские Англия, Швеция, Швейцария, Германия богаче католических стран — Италии, Испании и Франции.

В католицизме труд существовал как средство для обогащения самой жизни, «праздник жизни» был и остается центром всех человеческих интересов в латиноамериканских странах. В протестантской Северной Америке труд был и остается смыслом человеческого существования, что и сделало США самой богатой страной мира.

На Северо-Американском континенте протестантская идея безостановочного создания богатств нашла идеальную ситуацию для своего воплощения. Гигантские, никому не принадлежащие территории, отсутствие государственного контроля создали новый человеческий тип — одиночку, посвящающего все свои силы труду, умеющего работать лопатой и плугом, молотком и пилой, намывать золото, но также обладающего умением владеть саблей, мушкетом, добывающего богатство только для себя любыми способами — работой, торговлей, спекуляцией, грабежом и шантажом.

В то же время, среди первых протестантских общин Нового Света каждая община, каждая секта, озабоченная своим выживанием, обязывала своих членов принимать во внимание благополучие общины в целом.

Но сами условия новой страны, где многое можно было добыть действуя в одиночку, привели к другим формам отношений, и библейская заповедь — «не пожелай другому того, чего ты не пожелаешь себе» — перестала играть значительную роль. Человеческая судьба постепенно перестала ассоциироваться с нравственным, духовным ростом, ценность человека подтверждалась прежде всего ростом индивидуального богатства.

Но труд приносит личное богатство, а богатство развращает человеческую душу, поэтому на первых этапах своего развития протестантизм призывал не пользоваться богатством. Использовать богатство для себя значит отнять его у бога, для которого оно только и предназначено, и чем больше человек создал, тем больше у него шансов спасти свою душу и получить прощение небес. Богатство необходимо лишь для еще большего увеличения богатства.

В начале индустриальной революции считалось, что труд необходим для создания комфортабельной жизни, но, достигнув приемлемого благополучия, можно остановиться в накоплении богатств и совершать добрые дела. Предприниматели первоначального периода капитализма не стремились заработать больше, чем их деловые партнеры и конкуренты. Их доходы должны были быть достаточны, чтобы вести «приличный образ жизни». Сама идея, что жизнь должна быть посвящена делу, а не наоборот, казалась в то время очевидным безумием.

Но влияние протестантизма к середине XIX века стало значительно

уменьшаться, появилось новое отношение к труду и новый тип работника, служившего не Богу, а чистой практике — янки. Религиозные догматы протестантизма янки перевели в формулы экономики. В их идее жизненного успеха уже не было Бога, а аскетизм, осознанную жизнь в бедности, они рассматривали как форму человеческой ущербности.

Эта позиция диктовалась новыми условиями экономики: аскетическая форма жизни производителей богатства несла в себе противоречие — если они, богатства, не потребляются, дальнейшее развитие производства будет приостановлено. А к началу Гражданской войны уже была создана база для массового производства, и богатства элиты не могли расти без выхода на широкий круг массового потребления.

В развивающихся индустриях не хватало рабочих рук, так как иммиграция была незначительной, а спрос на индустриальные товары возрастал. Растущая индустрия Севера нуждалась в рабочих руках и источником рабочей силы могли стать как черные рабы, работавшие на плантациях, а их было около 4 миллионов, так и белая беднота Юга. До Гражданской войны подавляющую часть населения Юга составляли индивидуальные фермеры, и наемный труд, труд на другого, считался просто другой формой рабства.

Гражданская война, внешне, была войной за отмену рабства, но по сути это была война за полную смену ориентиров — от свободы индивида, работающего на себя, к скрытой форме рабства — работе на другого, без права на равную долю в доходах. Индустриальный Север предлагал жителям сельскохозяйственного Юга не только освободить своих рабов, но вместе с ними идти работать на заводы и фабрики — машинное производство создавало большие богатства, чем сельское хозяйство.

Для того, чтобы поставить население Юга к заводскому станку, пришлось применять военные средства. Юг отчаянно сопротивлялся, поэтому человеческие потери в период Гражданской войны были самыми большими за всю историю войн, которые вела Америка.

Во Второй Мировой погибло 420 тысяч американских солдат. Это была война, в которой использовалось оружие массового уничтожения. В Гражданскую войну оружием солдата был мушкет, производивший один выстрел в минуту, а самым страшным оружием была пушка, стрелявшая чугунными ядрами. За 4 года Гражданской войны погибло 680 тысяч человек, больше, чем во Вторую Мировую.

Огромные человеческие жертвы Гражданской войны могут быть объяснены той же причиной, которой объясняют неимоверную жестокость войн эпохи Протестантской Реформации, унесших треть населения Европы — решался вопрос о фундаментальных основах жизни, о статусе труда в общественном сознании. Американская Гражданская война была продолжением эпохи европейской Реформации в новых условиях.

К началу XX века США стали превращаться в одну из крупнейших индустриальных стран мира. Максим Горький, сделавший больше, чем кто-либо для пропаганды идеологии труда, побывав в Америке в 1911 году, тем не менее, увидел в американской форме отношения к труду, определяющему все содер-

жание жизни, силу, разрушающую сами основы и смысл человеческого существования: «Америка! Удивительно интересно здесь. Что они сумели создать, эти дьяволы, как они работают, с какой энергией, с каким удовлетворением, и насколько они варварски невежественны. Я одновременно восхищаюсь и проклинаю, все это и восхитительно и тошнотворно... Когда иммигранты прибывают сюда, они быстро превращаются в тупых и жадных животных. Как только они видят богатство этой страны, они оттачивают свои зубы и не останавливаются до тех пор, пока не становятся миллионерами или падают замертво от голода... Везде—труд. Все охвачено его бурей. Все стонет, скрежещет и повинуется воле какой-то тайной силы, враждебной человеку и природе».

Взгляд Горького, это взгляд человека, выросшего на гуманистических идеалах XIX века, но наступал новый век, век индустриализации, и ее требования в Советской России также привели к пересмотру отношения к труду; советские плакаты 20-х, 30-х годов возвещали— «Владыкой мира станет труд».

Гражданская война в России закончилась в 1922 году, но продолжалась в других формах в течении почти двух десятилетий. Протестантская идея труда как смысла жизни противоречила православной религиозной традиции, поэтому русская революция в процессе вхождения в цивилизованный мир, который понимался прежде всего как мир индустриальный, должна была применять насилие как единственный инструмент изменения отношения к труду, что и привело к такому огромному количеству жертв.

В США религия сделала героический, самоотверженный труд по созданию материальных богатств высшим этическим идеалом, и благодаря религии общественное сознание без применения насилия приняло труд как высшую ценность жизни.

Убеждала и сама практика жизни, в которой иммигрант из Ирландии, прибывший в Америку без гроша в кармане, Джеймс Карнеги, стал королем стали, конторский клерк Джон Рокфеллер—нефтяным королем, а механик по починке велосипедов, Генри Форд,—автомобильным королем.

Их идеи были более весомы, чем библейские догмы, так как они подтверждались самим существованием огромных индустриальных империй, которые они создали.

Форд больше чем другие лидеры американской индустрии сделал для пропаганды самоотверженного труда, поэзии созидания, он говорил о труде и производстве в терминах протестантизма, и в стране по преимуществу протестантской его логика была неотразима: «Если ты рабочий, клерк, инженер, врач, юрист или полицейский, ежедневно выполняющий изо дня в день одну и ту же монотонную работу, мало чем отличающуюся от работы на конвейере, то твоя работа—это божественное провидение, это твое предназначение на этой земле».

Создание новых богатств протестантизм объявил высшей ценностью, а машина создает большее количество богатств, чем крестьянин или ремесленник.

Протестантизм Форда был данью традициям прошлого, его практицизм был фундаментом будущего. Форд был одним из первых, кто увидел

в использовании науки в практике производства мощный инструмент изменений, не только изменений индустриальных, но и изменений самого общества. Наука не только должна создавать новую технологию, новые машины. Наука должна помочь организации всего процесса труда.

В чем цель научной организации труда? В сведении всего многообразия человеческих отношений на предприятии к единым для всех нормам. Научная организация труда это формализация, бюрократизация трудовых отношений, благодаря которой можно добиться тотального контроля над производством и работником.

В труде ремесленника существовал немалый элемент непредсказуемости, его эффективность определялась индивидуальностью работника, а деловые отношения, складывающиеся на основе человеческих пристрастий, чувств, эмоций, были неопределенны и неконтролируемы. Следствием индивидуализированного подхода была низкая производительность труда. Поиск каждым работником оптимальных форм индивидуально приводил к большим тратам средств и времени, так как каждое решение было уникальным, характерным только для данного работника и поэтому неэффективным. Ремесленное хозяйство базировалось на многообразных персональных контактах, которые требовали постоянной импровизации в принятии разнообразных решений.

Научный же подход сводит многообразие к единству, выявляя в бесконечном разнообразии то, что в нем есть общее. Наука, использованная в организации трудовых отношений, применила единый, не изменяющийся, общий для всех параметр — количественную оценку задач, операций и результатов труда.

Научная организация труда — это бюрократизация всех форм взаимоотношений между работниками. Существует широко распространенное мнение, что бюрократия направлена против интересов людей. Долой бюрократию — лозунг бунта против порядка, который не учитывает индивидуальные особенности людей.

Но в массовом производстве индивидуальный подход стал невозможен, он противоречил основному принципу массового производства — унификации всех форм отношений.

Бюрократизация это система ритуалов, а ритуал — оптимальная форма отношений, выработанная практикой. Научное управление, то есть бюрократизация всех форм труда, создает исполнителя, тщательно следующего ритуалу, инструкции. Его поступки, его слова должны быть выверены по заданному трафарету и не должны нести никаких следов импровизации и индивидуальности.

Результатом бюрократизации стал неизмеримо больший объем производства, нежели в персонализированном процессе, и, соответственно, больший полезный коэффициент труда, что привело к невиданному в истории росту благосостояния индустриальных стран.

Успех новой культуры жизни, сформированной вокруг производства материальных ценностей, зависел от того, сможет ли бизнес добиться высокой продуктивности труда. Может ли человек отказаться от себя как индивидуальности, стать винтиком машины, выполнять работу так же точно и свое-

временно, как и машина? Фредерик Уинслоу Тейлор, основоположник идеи научного управления, доказал, что это возможно.

Генри Форд начал широко применять систему Тейлора. Проводился хронометраж на рабочем месте, и те, кто достигал наибольших результатов за более короткое время, поощрялись. Их рабочий темп становился обязательным для всех работников. Для того чтобы не быть уволенными, все работники должны были выдавать нормы, установленные на высшей планке. Правда, вскоре эксперименты с хронометражем пришлось прекратить. Рабочие называли «передовиков производства» козлами, ведущими овец на бойню, их избивали и часто убивали.

Стахановское движение в Советской России, которое использовало методики Тейлора, имело ту же цель — повышение производительности, хотя внешние формы его были другими. Американский менеджмент, также как и советские командиры производства, были вынуждены отказаться от системы Тейлора, в ней была слишком наглядна ее цель — интенсификация эксплуатации.

Прямое давление на работника сменилось гораздо более мягкой и менее заметной системой психологического контроля, психологической адаптацией к машине и вниманием к индивидуальному работнику, «забота о людях» стала необходимой.

Фирма Western Electric заказала исследование эмоциональных, индивидуальных факторов, влияющих на производительность, известному социологу Элтону Майо, которым были разработаны рекомендации, позволяющие создать эмоциональный комфорт для работников.

«Мнение, что условия труда улучшились, ошибочно. Контроль стал менее заметным, но более эффективным, почти тотальным, изменились лишь внешние формы», — отметил Майо, подводя итог своей работе.

В результате использования достижений психологической науки в производстве США достигли самого высокого уровня производительности труда, которая сегодня выше на 15%, чем в остальных индустриальных странах. Интенсивность труда увеличилась на 40%.

Хотя самой трудолюбивой нацией считаются немцы, но они работают всего 1500 часов в году, а американцы 2000. Количество отпускных дней в году у американцев 10, у европейцев от 30 до 40. Сокращается и количество праздников. Да и сами праздники стали настолько скучны из-за отсутствия каких-либо человеческих связей, что многие предпочитают работать в праздники, чтобы чем-то занять себя, иначе им предстоит провести много часов перед телевизором, переходя с одного канала на другой.

Во времена Токвиля страх перед Богом заставлял американца-пуританина находиться в непрерывном процессе служения Богу — работать. Сегодня американец также служит своему Делу, правда, он не апеллирует к закону Божью, он говорит себе — «I should keep myself busy», я должен быть все время занят, как будто тоже, как и его предки, боится божьего наказания.

Чем богаче становится общество в целом, тем больше энергии и времени необходимо чтобы приобрести аксессуары своего социального статуса

и социального престижа — дом, машину, счет в банке. Чтобы соответствовать повышающемуся с каждым годом стандарту жизни и приобретать все, что связано с демонстрацией социального статуса, необходимо работать уже не 40, а 70, 80 или 100 часов в неделю, и сократить до абсолютного минимума часы, отведенные для самой жизни.

Необходимо безостановочно двигаться вверх, необходимо подниматься с одного экономического уровня на другой. Остановка означает поражение. Нельзя быть привязанным к какому-то одному месту, нужно двигаться вперед, иначе богатство, всегда лежащее где-то впереди, останется недостижимым. Но для чего нужно богатство? Для того, чтобы создавать все большие богатства. Цель — сама деятельность по созданию богатств, в конечном счете, само движение и есть цель.

«Работа для американцев главная радость жизни, в работу они превращают и отдых... Если они путешествуют, они делают пять, шесть сотен миль в день, останавливаясь только для того, чтобы сделать фотографии, и узнают о том, где побывали, только когда дома рассматривают фотографии. Если они занимаются спортом, то вкладывают такую энергию, которая может убить лошадь», — пишет английский социолог Горер. Ничего не изменилось со времен Токвиля.

Спорт также воспринимается как форма труда, в нем, также как и в работе, ставятся определенные задачи, которые должны быть выполнены в обозначенные сроки, и разрабатывается наиболее эффективная методика. Американец подсчитывает сколько миль, за какое время он прошел, проехал, проплыл, какое место занял и, готовится к тому, чтобы в следующий раз пройти, проплыть, проехать быстрее за меньшее время. Особое место занимает марафон, который проводится на всех уровнях, в графствах, городах, штатах и интернациональный марафон в Нью-Йорке.

«Марафон — форма самоубийства на публике, как говорят сами объявления о предстоящем марафоне, „марафон позволит вам выжать все, что возможно из вашего тела, чтобы доказать...“ Доказать что?.. Что вы способны добежать до финишной ленточки...», — замечает французский философ Бодрийар.

Социолог Вилкинсон в своей работе, посвященной американскому национальному характеру, «The Pursuit of American Character», иронически отмечает: «Поражающую иностранцев динамику американской жизни можно определить формулой — „We getting nowhere fast“, мы очень быстро движемся в никуда.»

Движение — главная ценность национальной культуры, тот не американец, кто не стремится двигаться вперед. Как говорит старая и вечно новая для американца поговорка: «Not the quarry but chase. Not the trophy but the gase», добыча не важна, важна погоня, важен не приз, а процесс.

Эта жажда движения слышна в балладах Элвиса Пресли, Боба Дилана и Керуака, главный мотив фольклорной музыки, «country music» — дорога.

Многие улицы американских пригородов являются хайвеями, исчезающие вдали прямые линии создают ощущение бесконечности — они ведут к другим дорогам, к другим хайвеям, и это дороги в никуда. Дорога существует сама по себе, сама для себя.

Сегодня эта необходимость движения воплощается не только в дороге, на которой американец проводит большую часть своего времени, сегодня это также Интернет и марафон — движение ради движения.

Американец находится в постоянном движении — ремонт дома и машины, улучшение газона перед домом, поездки на машине, часто без какой-либо определенной цели, и многочасовой гипноз калейдоскопа образов на телевизионном экране — эрзац движения.

Токвиль писал: «Что ошеломляет в США, это не останавливающееся движение и постоянные изменения, но то, что сама жизнь чрезвычайно монотонна, потому что все изменения и непрекращающееся движение ничего не меняют в содержании, в сущности самой жизни. Человек находится в движении, но это движение чисто физическое, внутри себя он неподвижен».

Токвиль назвал это вечное, неостанавливающееся движение — «*dread revolution*», кружение на одном месте. Застывший, неподвижный внутренний мир нуждается в постоянной встряске, и движение, по крайней мере, создает иллюзию того, что что-то происходит. Движением, действием исчерпывается все человеческое существование, остановиться означает перестать существовать.

В повседневном американском словаре не употребляется слово «загорать» — это пассивная форма, говорят «работать над красивым загаром», «*I work on my sun tone*». Не «общаться», а «делать контакты» — «*make contacts*». Даже проституция утратила свои пассивные формы.

Когда-то проститутки считались пассивными «жертвами общества» и, действительно, они и были пассивными жертвами обстоятельств своей жизни. Сегодня проститутка — это *business woman*, она одновременно и товар, и индивидуальный предприниматель, она работает, действует. Сам термин «проститутка» сменился на другой — «*sex worker*», то есть работник секса, человек действия. Любая деятельность получает общественное признание, если она приносит высокие доходы, а работница секса, получающая от зоо до 1000 долларов за час труда, не может не вызывать уважения.

Но если даже труд, работа не приносит никаких ощутимых результатов, он обязателен для всех, для всех общественных классов.

Антрополог Эдвард Холл отмечал: «Я знаком с дамой, главой одного из крупнейших книжных издательств. Она наследница огромного капитала, оставленного ей родителями. Тем не менее, она работает и работает тяжело. Она озабочена своим делом не только в рабочие часы, оно заполняет все ее время. Ее доходы от того, что она делает, выглядят жалкими крохами в сравнении с тем, что она уже имеет. Но другой жизни, жизни вне дела, вне действия, она не видит».

Все социальные классы, снизу доверху, превратились в работников. «Категория работника не отменяется, а распространяется на всех людей», — писал Маркс в XIX веке о перспективах капитализма.

Долорес МакКена, бывший главный редактор трех крупнейших в стране книгоиздательств пишет: «Вы следуете общепринятым меркам жизни — больше рабочих часов, больше денег. Затем обнаруживаете, что из вашей

жизни исчезли друзья, семья, независимость, и сама работа все больше напоминает конвейерную линию. Вы пытаетесь начать иную жизнь, но оставив работу, вы теряете не только престиж, ощущение власти, свободу в финансах, вы теряете свою личность, потому что она определялась окружающими и вами самими через вашу должность и ваши заработки. Оставив работу, вы теряете себя. Для того, чтобы решиться на такой шаг, надо обладать железной волей — это почти героический акт, окружающие воспринимают ваше решение как вызов обществу, как предательство основных общественных ценностей. Вы ставите под сомнение идеалы и мечты миллионов — престиж, власть, деньги».

В определенном смысле Америка стала бесклассовым обществом, она создала один класс — класс работников. В Советской России все классы также должны были превратиться в один класс — рабочий. Все виды деятельности стали пониматься как работа. Существовали работники науки и работники театра, работники кинематографа и работники эстрады, музыкальные работники и мастера слова. Сталин, обращаясь к советскому народу, начинал свои речи словами «Работники и работницы...»

«Только те, кто работает и полезен для общества, должен жить, остальных следует уничтожить», — писал один из просветителей, Сен-Симон.

Этой заповеди Сен-Симона буквально следовали в фашистской Германии и в Советской России, демократическое же общество использовало человеческие ресурсы более экономично, оно создало атмосферу, в которой даже физически недееспособные стремятся быть вовлечены в трудовой процесс, никто не хочет быть в глазах общества, и в собственных глазах, парией, изгоем, извращенцем, социально пустым местом.

С начала 70-х годов все население Америки, независимо от принадлежности к социальному классу, стало носить джинсы. Традиционно джинсы носили ковбои, фермеры и шахтеры, джинсы были знаком принадлежности к рабочему классу, пролетариату, знаком отсутствия привилегий. С 70-х годов джинсы стали повседневной одеждой для всех классов, олицетворяя единое для всех содержание жизни — труд, и гражданское бессилие, когда-то характерное только для пролетариата.

Олдос Хаксли видел начало этого процесса еще в 1921 году, когда труд начал превращаться в единственное содержание жизни не только в США, но и в Европе и России: «С раннего детства людям будут прививать мысли, что счастья вне работы не существует. Власть имущие убедят массы в том, что они счастливы, что каждый из них свободен, что все, что они делают, достойно и значительно. Самые жалкие из них будут чувствовать себя центром вселенной и, работая по многу часов в день, убежденные в своей значимости, они будут счастливы, как человек никогда не был. Они пройдут через жизнь в убеждении, что это единственная, достойная человека форма жизни, и из этого счастливого дурмана никому не дано будет выйти».